

распада и воссоединения и утверждает себя в новом синтезе, но только в „объективированном“ виде.¹ Каждое диалектическое звено есть акт единого, всеобщего Понятия, и каждый новый драматический эпизод заключается новым, конкретным синтезом, закрепляющим все добытое и открывающим Понятию новый неразложимый уровень самоопределения.

Конкретность спекулятивного синтеза лежит в основании всей жизни Понятия — его развития, его судьбы и его победы. В чем же природа этой высшей „конкретности“?

Глава седьмая

КОНКРЕТНОЕ-СПЕКУЛЯТИВНОЕ

Каждое великое и зрелое философское учение имеет *основную идею*, скрывающую в себе то „главное“, то существенное, во имя чего это учение вынашивалось, созревало и находило себе одеяние слов. Эта идея закрепляет собою то обстояние, которое открылось философствующему уму, пленило его и определило собою всю дальнейшую судьбу его философского видения. Предметное обстояние, закрепленное в такой „основной“ идее, раз воспринятое субъективным духом философа, обычно в силу „предустановленной гармонии“ между духовным опытом мыслителя и ритмом самого предмета, становится тем содержанием, адекватное выражение которого оказывается жизненной задачей философствующего ума. То, ради чего философ несет бремя своего духовного опыта; то, чему посвящены его познающие и проявляющие усилия; то, чем „одержим“, иногда бессознательно, его дух, составляет содержание этой основной идеи и, соответственно, этого „опыта“. Философ *служит* этому предметному обстоянию, иногда пожизненно; он отдает все силы своего духа на то, чтобы сделать воспринятое достоянием разума, чтобы соблюсти луч предметного откровения и зажечь этим лучом познание каждого живого человека. Отсюда пророческий пафос каждой великой философии; отсюда ее несамоуверенная уверенность, ее тяготение ко всеобщности и, подчас, ее гениальная однодумность: великий философ живет в *подлинном* луче предмета, но, иногда, не более чем в *одном*, едином луче.

„Все реальное подлежит закону *спекулятивной конкретности*“ — вот содержание того кардинального опыта и той основной идеи, которому посвящена вся философия Гегеля. „Конкретность“ составляет не только основной характер спекулятивной мысли,

¹ Log. III. 206.

ее „существенный признак“, ее *essentiale*; она не только определяет собою итог *каждого* диалектического распада и высший результат *всего* диалектического движения; но она оказывается главной „движущей силой“ и в то же время „верховной целью“ всякого бытия и становления. „Конкретность“ есть существенный, имманентный *ритм всякой жизни*, движущий изнутри все предметы; она движет их к тому, чтобы они покорно и адекватно осуществили *ее собственное* дыхание, ее слово, ее закон. Спекулятивной конкретностью определяется исход и конец, начало и завершение. Все дышит и живет, чтобы осуществить ее, стать ее живым гимном. Каждая логическая категория ищет в самой себе и создает, страдая, ритм конкретности; этому ритму посвящен и хаотический разброд природы; его выковывает себе и душа человека, и дух человечества; его творит как достижение и добродетельная воля, и прекрасный образ искусства, и религиозное верование, и философское видение. Можно обозначить спекулятивную конкретность как сокровенную живую душу всех „логических“ и всех „мировых“ категорий; и если иметь в виду, что каждая логическая категория есть как бы „душа мира“, то конкретность явится как душа души космоса.

Конкретность может рассматриваться наряду с этим как критерий всяческой реальности и всяческой ценности.¹ То, что ей причастно, то реально и ценно; то, что ей совсем чуждо, то составляет ничтожную иллюзию. И чем больше спекулятивной конкретности в каком-нибудь „определении“ или „состоянии“, тем оно реальнее и ценнее. Можно установить, что признание этого критерия реальности и ценности, как основного и универсального, делает философа последователем Гегеля; и обратно: сколько бы ни заимствовал мыслитель из идейного богатства этого великого интуитивиста, сколько бы он ни подражал его „манере“, безразличие к *основной идее* сделает его чуждым и *основному опыту* „учителя“. Гегелианцем может быть признан лишь тот, кто сознательно исповедует, что *диалектическое осуществление реальною мыслью спекулятивной конкретности есть сущность всякого бытия и всякой ценности*.

Замечательно, что категория „конкретного“ в качестве самостоятельного способа бытия не получила у Гегеля особого места ни в одной науке: ни в логике, ни, тем более, в одной из подчиненных наук. Это объясняется именно ее центральным и универсальным значением. В качестве категории категорий она и не могла найти себе места среди рядовых „определений“. Она везде и, в частности, *нигде*. Она как бы не „содержание“,

¹ Ср., напр.: „besser, wahrer“: Log. I. 99. 248. Enc. I. 67. 170; „tiefer“: Beweise. 365; „vollkommener“: Enc. I. 311; „das letzte, höchste“: Log. I. 64; „das Mächtigste, Uebergreifendste“: Log. III. 349 и т. д. ср.: W. Beh. 402.

а глубочайшая природа всех содержаний. Можно было бы сказать, что она есть не „то, что“, а „то, как“; однако с тем, существенным добавлением, что этот способ бытия всегда *меняет* самое содержание покорных ему категорий и измеряет собою степень их реальности и ценности. Может быть, именно эта углубленная и скрытая „вторичность“ идеи „конкретного“ мешала доселе комментаторам и критикам Гегеля осознать ее и раскрыть.

Понятно, что такое использование идеи „конкретного“ возможно было только при том условии, чтобы Гегель „увидел“ за этим древним и выветрившимся от постоянного употребления термином — его „первоначальное“ и в то же время „новое“ значение. Нужна была вся сила его интуитивного видения для того, чтобы „восстановить“ глубокое содержание, названное этим, с виду бесцветным, словом. И, действительно, Гегель именно *возродил* этот термин, раскрыв за ним обстояние величайшей значительности: „конкретно“ то, что особым образом „сращено“, возникнув из двойственности или многообразия.

Возрождая идею „конкретного“ и придавая ей новое, углубленное, „спекулятивное“ значение, Гегель поставил ее в ряд других, гносеологических категорий в качестве последнего и высшего звена этого ряда. Таковы категории „конкретного-эмпирического“, „абстрактного-формального“, „абстрактного-спекулятивного“ и, наконец, „конкретного-спекулятивного“. Весь этот ряд расположен от худшего и низшего в порядке восхождения к лучшему и высшему, причем сходно-именные корреляты попарно соединены в центре и разъединены на концах. Вся лестница, состоящая из четырех ступеней, распадается на две части — низшую (познание „эмпирическое“ и „формальное“)¹ и „высшую“ (познание „спекулятивное“),² причем истинное, спекулятивное познание осуществляет два состояния: „абстрактности“ и „конкретности“. Для того чтобы подняться к ним, познающий человек должен преодолеть два низших, отвергнутых Гегелем способа познания с тем, однако, чтобы сочетать „конкретность“ первой с „абстрактностью“ второй. Катарсис познания состоит в том, что от „конкретного-эмпирического“ отбрасывается „эмпирический“ характер, но сохраняется идея „конкретного“; а от „абстрактного-формального“ отделяется „формальный“ характер, но сохраняется идея „абстрактного“.³ Высшая сфера образуется через *спекулятивное* обновление обеих сохраненных идей и их своеобразное взаимное проникновение.

Такой отчетливой, расчлененной схемы, состоящей из четырех ступеней, Гегель сам не дает и последовательно ее нигде

¹ См. главы первую и вторую. ² См. главы третью и четвертую. ³ Ср. о наличии *трех* сторон в каждом понятии: рассудочной, диалектической и спекулятивной. Епс. I. 146—147.

не раскрывает. Особенно трудно найти у него зрелое расчленение двух видов „абстракции“. И тем не менее, следуя его указаниям, вполне возможно установить природу „спекулятивной абстрактности“.

„Спекулятивная абстрактность“ есть тот способ познания, который определяется как „самозабвенное созерцание объективного понятия“.¹ Согласно этому, спекулятивное, созерцающее мышление есть именно тот путь, который открывает „абстрактно-спекулятивное“ состояние *самого предмета*. Состояние самого предмета „абстрактно“, во-первых, постольку, поскольку „форма понятия“² составляет его стихию, его „элемент“: спекулятивному предмету свойственно быть *мыслью* и познаваться *в мысли*;³ однако оно является уже не „формальным“ понятием со всеми его дефектами и пороками, а объективным, живым Понятием, со всеми его достоинствами и способностями. Состояние самого предмета „абстрактно“, во-вторых, постольку, поскольку он еще не развернул в процессе самоопределения *всего* своего содержания и не стал еще „Идеею“.⁴ В этом смысле спекулятивный предмет „абстрактен“ как *нераскрытая потенция совершенства*, т. е. как несовершенное состояние Понятия. Это означает, что в предмете обнаруживается некоторый „недостаток различия“,⁵ некая „свернутость“ или „нераскрытость“;⁶ предмет страдает недостаточной определенностью⁷ в своем содержании: Понятие уже спекулятивно, но еще „просто“, „бедно“, „скудно“, „непосредственно“ и не наполнено.⁸ Но эта „простота“ и содержательная „бедность“ уже не скрывают в себе той опасности, которая таилась в *формальной абстракции*: живое творчество объективного понятия способно преодолеть этот недостаток и *не* способно сохранить его. Однако преодоление содержательной пустоты происходит лишь постепенно, в процессе диалектического расхождения и спекулятивной конкретизации. И вот, этот процесс и обнаруживает истинное соотношение между „абстрактным“ и „конкретным“ в сфере спекулятивной жизни.

„Абстрактное“ и „конкретное“, с одной стороны, постоянно совмещаются и *совпадают*: ибо ритм спекулятивной конкретности есть ритм *самой мысли*, самого *объективного понятия*, т. е. самой „спекулятивной абстракции“. Там, где нет „абстрактно-спекулятивного“, т. е. объективного понятия, там, естественно, невозможен и его своеобразный ритм, его имманентный закон, т. е. невозможна *конкретность*. С другой стороны, „аб-

¹ См. главу третью. ² „Form des Begriffs“: Glaub. 103. 106. ³ Ср.: Glaub. 103. 116. 156—157. Enc. I. 7. 28. 142. 324. ⁴ Ср.: Enc. I. 324.
⁵ „Mangel der Differenz“: W. Beh. 399. ⁶ „als ein Eingebülltes und Unentfaltetes“: W. Beh. 399. ⁷ Ср.: Log. III. 347. Recht. 214. 215. ⁸ Ср.: Log. III. 5. 333. Enc. I. 113. 362. Enc. III. 309. 354 и др.

страктное“ и „конкретное“ до известной степени *исключают* друг друга: чем более „абстрактности“ в объективном понятии, тем менее в нем „конкретности“; и обратно: конкретизация понятия заполняет его пустоту, насыщает его неопределенность, и, тем самым, освобождает его от „абстрактной“ неудовлетворительности. В процессе развития и определения Понятия абстрактное *само* зацветает новыми определениями, обогащается содержанием и „конкретизируется“.

Понятно, что „спекулятивная абстрактность“ в этом втором значении своем имеет различные степени, так что начало диалектического процесса являет ее максимум и в то же время минимум „конкретности“; а конец спекулятивного ряда осуществляет максимум „конкретности“ и минимум „абстрактности“. Это соотношение следует представлять себе так, что в исходной категории „Бытия“ *конкретность* содержится в потенциальном виде, а в завершающей категории „Идеи“ потенциальный характер всецело присущ *абстрактности*. Иными словами, в начале Понятие имеет максимум неопределенности, в глубине которой скрывается возможность „грядущего“ содержательного богатства; наоборот, в конце Понятие владеет всем своим содержанием, раскрывает максимум своего богатства, а „непосредственная скудость“ сохраняется лишь как преодоленная возможность „прошлого“.

Отсюда уже ясно, что спекулятивная конкретность имеет различные градации и *степени*.¹ Но эта способность к градации характеризует не природу самого сращения, а лишь *объем раскрываемого содержания*. Понятие может быть „менее конкретным“ и „более конкретным“; однако не в том смысле, что элементы его *срастаются* то „менее“, то „более“, — то оставаясь во внешней связи, в простом сопоставлении, то завязывая тесные и внутренние отношения. Нет, природа самого сращения остается всюду одинаковой: она сохраняет на всех ступенях свой единый, спекулятивный характер. Меньшая конкретность Понятия означает только сравнительную неполноту его содержания, оно может включать в себя *большее число различных определений*, чем содержит в данном „менее конкретном“ своем состоянии; но связь этих определений друг с другом остается всегда одинаково спекулятивной и одинаково конкретной.

Спекулятивная конкретность имеет, таким образом, два значения: она указывает, во-первых, на *объем спекулятивного содержания*; во-вторых, на *внутреннее соотношение элементов* этого содержания (собственно, на их „сращенность“). Возрастание содержания не увеличивает, но и не умаляет, не искажает, но

¹ Ср., напр.: Log. I. 71. 99. 100. Log. III. 349. Enc. I. 21. 60. 169. 311. 324. 350. Enc. II. 247. Enc. III. 3. 428. Ph. G. 71. Bewelse. 365. 366.

и не совершенствует этой внутренней сращенности; однако наличность внутренней сращенности не гарантирует сама по себе содержательной *полноты* Понятия.

Согласно основному закону, объем спекулятивного Понятия есть не что иное, как состав его содержания, а содержание его состоит из всех определений, входящих в его объем: ибо Всеобщее включает в себя все свои видоизменения в качестве своих живых частей.¹ И вот, Понятие является тем более конкретным, чем *обширнее его объем*, или, что то же, чем *полнее его содержание*.

Спекулятивная конкретность указывает всегда на то, что Понятие не пусто² в своем внутреннем составе, что оно имеет известное „содержание и наполнение“.³ Это значит, что оно содержит в себе, по крайней мере, *одно* отношение, т. е. *два* различных определения.⁴ Но эта раздвоенность указывает уже на то, что „конкретное“ само в себе „развивается“⁵ и „развертывается“,⁶ что оно увеличивает свое „протяжение“,⁷ становится „шире“ и „богаче“.⁸ Поэтому можно сказать, что „конкретность“ Понятия свидетельствует о *множественности*, скрытой в его объеме, и о *разнообразии* его содержания. То, что конкретно, то обладает „многими качествами“⁹ или „определениями“¹⁰ так, что оно становится тем конкретнее, чем больше его объем.¹¹ Но это обилие отличается в то же время разнообразием. Конкретное определено не только множественно, но и *многообразно*: оно содержит в себе много *разных* определений,¹² свойств¹³ и связей¹⁴ и обладает вследствие этого целым „богатством“¹⁵ содержания. Это есть некая „богатая“ и „пестрая полнота“,¹⁶ живое,¹⁷ содержательное богатство мысленных определений. Чем конкретнее Понятие, тем оно богаче, и, достигая вершины бытия, оно становится „самым богатым“,¹⁸ т. е. „самым развитым“,¹⁹ „завершенным“ по составу своих определений.²⁰

¹ См. главу пятую. ² „nicht leer“: Cp.: Log. III. 40. Recht. 402. ³ „mit Inhalt und Erfüllung“: Phän. 41. 42. 43. Log. I. 130. Log. III. 40. 68. 352. Enc. I. 60. Recht. 402. ⁴ Cp.: Log. I. 70. Enc. I. 170. ⁵ Log. III. 149. Recht. 324. ⁶ Enc. I. 22. ⁷ Log. III. 349. Enc. I. 331: „Ausdehnung“. ⁸ „reicher“, „weiter“: Log. I. 41. 73. 248. Log. III. 349. Enc. I. 331. Recht. 64. Ph. G. 63. Beweise. 364. ⁹ „von vielen Qualitäten“. Cp.: Log. III. 78. 129. Enc. I. 331. Enc. II. 301. ¹⁰ „mehrere Bestimmungen“: Log. I. 114. ¹¹ „desto mehrere Selten“: Enc. I. 350. ¹² „in sich mannigfaltig Bestimmtes“: Log. I. 69. 71. Log. II. 101. Log. III. 73. „in sich verschiedene Bestimmungen enthaltend“: Log. I. 73. 114. Enc. I. XVI. 69. 157. Enc. II. 247. ¹³ „mannigfaltige Beschaffenheit“: Recht. 4. ¹⁴ „mannigfaltiger Zusammenhang“. Enc. I. 98; cp.: „innere Verhältnisse“: Log. I. 246; „Beziehung“: Log. I. 248. ¹⁵ Cp.: Phän. 16. 58. 436. 551. Log. I. 47. Ph. G. 53. Beweise. 343. ¹⁶ „reiche Fülle“: Phän. 6; „bunte Fülle“: Phän. 551. ¹⁷ „der Reichthum des entfalteteten Lebens“: Phän. 436; cp.: Phän. 42. Log. I. 33. Recht. 402. Beweise. 458. ¹⁸ „das Reichste“: Log. III. 37. 58. 349. Enc. I. 21. ¹⁹ „entfaltete“: Enc. I. 21. ²⁰ „Vollständige Bestimmtheit“: Log. III. 88. Enc. I. 361; „vollendet“: Enc. I. 284.

Поэтому можно сказать, что спекулятивная конкретность представляет всегда *многообразие, сросшееся в единство* и притом именно *многообразие спекулятивно-мысленных определений*. Это богатство реальных смыслов возникает не сразу, но в долгом процессе диалектического страдания. Живые, объективные смыслы накапливаются лишь постепенно, в результате множества „раздвоений“ и „воссоединений“. Каждое диалектическое „расхождение“ заканчивается примирением, т. е. синтезом, *сохраняющим* обе противоположные стороны. И в результате состав определений все увеличивается.

Итак, спекулятивная конкретность возникает не „сразу из множества“, как в эмпирическом мире, а всегда из разъединенной *двоицы*. Стороны, вступающие друг с другом в конкретный синтез, сочетаются не случайно и не в порядке внешнего сопоставления чужеродных величин, как это бывает в мире явлений; нет, они возникают из единого, общего лона, из первоначальной Всеобщности, и создаются ею посредством необходимого самоотрицания.¹ Таким образом, срастающиеся стороны связаны всегда как бы кровным родством, общностью одинакового возникновения. Вследствие этого диалектическое расхождение оказывается всегда помещенным между двумя синтезами: первоначальным, исходным единством — недоопределенною Всеобщностью; и последующим, заключительным единством — определившеюся Единичностью. Однако судьба этой обогащенной Единичности в том, чтобы вновь утвердить себя как недоопределенную Всеобщность и возобновить посредством самоотрицания диалектическую распрю. Но это возобновление невозможно до тех пор, пока не завершится процесс конкретного срастания между сторонами: новое распадение возникает лишь после *полного сращения врагов*, после установления их истинной и целостной „конкретности“.²

Весь этот процесс самообогащения, совершающийся в Понятии, протекает в едином и единственном русле. В эмпирическом мире процессы множественны и параллельны; спекулятивный ряд представляет из себя строгое, закованное единство, постепенное, прогрессивное нарастание. Мерно чередуя сращение и разложение, Понятие периодически возобновляет в себе драму внутреннего раздвоения и каждый раз, разрешая ее, обновляется в своем содержании. Сила конкретного синтеза каждый раз угашает не только *вражду* противостоящих определений, но и самые эти определения в их непокорном своеобразии; и, угашая, сохраняет. Их угасание гарантирует развитие от регресса; их сохранение обеспечивает его от бесплодности. Итак, спекулятивный процесс сращивает всегда „двойственное“ в порядке

¹ См. главы пятую и шестую.

² См. главу шестую.

„сосуществования“ и „множественное“ в порядке „последовательности“.

Эти формальные черты „конкретизация“¹ сохраняет на всех ступенях процесса. Спекулятивное Понятие, не выходя из себя в пределах науки, развивается в своем собственном, внутреннем содержании, само в себе раскалываясь и само в себе воссоединяясь. Оно богатеет в своих собственных пределах, подобно внутренне дифференцирующейся монаде, и в то же время остается единою, всеобъемлющею Всеобщностью, подобно завершенной субстанции. Богатство его определений достигает, наконец, максимальной полноты, и Понятие восходит на высшую ступень: оно по-прежнему остается единою, субстанциональною Всеобщностью, но обладает уже *всем* своим содержанием. Понятие становится целокупностью или „*тотальностью*“² мысленных определений.

Быть „тотальностью“ значит осуществлять способ жизни, доступный только *спекулятивному* ряду. Конкретное-эмпирическое не может сложиться в исчерпывающий, завершенный синтез: объять *все* может только *разум*; соединиться во *всеобъемлющее*³ единство может только *разумное*. Но спекулятивная конкретность есть именно конкретность „*разума и идеи*“⁴ и *ее* силами „исчерпывающая тотальность“ осуществляется *по необходимости*. В процессе спекулятивного само-обогащения Понятие неизбежно становится *тотальностью живых смыслов*: его объем достигает максимальных размеров, или, что то же, его содержание исчерпывает собою всевозможные „*существенные различия*“ и „*противоположности*“.⁵ Нет существенных определений, которые не были бы созданы и положены в себе Понятием: оно становится великим спекулятивным *целым*: творческим единством в живом множестве, или, иными словами, *единым Смыслом, сотканным из всех существенных смысловых определений*.

Таков объем спекулятивной конкретности: он всегда включает в себя *все срастающиеся* содержания, а на высшей ступени — *всевозможные существенные* видоизменения спекулятивного смысла.

Но самое глубокое значение конкретности раскрывается только при исследовании *внутреннего соотношения* срастающихся определений. В самой природе этого „срастания“ скрывается идейный корень всей „спекулятивной“ философии.

Сущность этой „конкретизации“, как и всей философии Гегеля, не может быть понята одною абстрактною мыслью. Ее

¹ „Konkretion“: Phän. 473. Log. I. 8. 33. Log. II. 40. 126. 127. 170. 261. Enc. II. 149. 247. Enc. III. 46. ² Ср.: Log. III. 73. 150. 352 и др.
³ „allumfassend“. Glaub. 157; „gleich Allem“. Diff. 208. Log. II. 155. ⁴ Enc. I. 404. ⁵ См. главу шестую.

необходимо представить себе воочию, наглядно, установив силою воображения наличность двух реальных сущностей, противоположных по содержанию, но способных к некоторому примиренно-творческому соотношению. Все, что затем будет высказано об этих сущностях, необходимо также вообразить в качестве реального, живого состояния, свойственного этим реальностям.

С самого начала должно быть понятно, что синтез, имеющий связать обе стороны, не может носить поверхностного, внешнего, или механического характера.¹ Конкретный синтез не может быть простым „агрегатом“² или „формальным единством“³ разных частей, остающихся „друг возле друга“⁴ и лишь „сочетающихся“,⁵ подобно атомам,⁶ в бесформенный⁷ и внешний,⁸ мертвый⁹ и неподвижный¹⁰ порядок.¹¹ Такого рода „соединение“ присуще эмпирическим элементам как таковым; но среди спекулятивных реальностей оно не имеет места. Здесь определения соединяются существенным, внутренним образом и это внутреннее соединение берет свое начало от их необходимой противоположности.

Конкретный синтез начинается с того, что два противоположных определения, порожденные самоотрицанием Понятия, отказываются от центробежного тяготения и от попыток утвердить себя в противоположении и самостоятельности. Они „отрицают“ свое взаимное „отрицание“, и в результате этого на первый план выступает та конститутивная связь, которая связывала их в самой их противоположности.¹²

Между обеими сторонами обнаруживается некоторое постоянное и необходимое „отношение“.¹³ Это отношение состоит в том, что каждая сторона имеет в другой свою „предпосылку“,¹⁴ свой коррелят. Каждая утверждала себя в „абстрактности“, но обе „абстракции“ были относительны¹⁵ и *со-относительны*: ни одна из них не могла быть ни „утверждена“, ни „взята“ без другой.¹⁶ Каждая сторона стремилась к самостоятельности, но именно это-то и привязывало ее по существу к другой,¹⁷ от которой она хотела *не зависеть*. Каждая *ограничивала* другую¹⁸ и тем определяла ее; и вследствие этого каждая утверждала себя через¹⁹ свое отношение к другой: через отрицание своей противоположности.²⁰ Оказывается, что в самом отрицании своей стороны

¹ См. главу первую.
² 230. ⁴ Diff. 197. 259.

⁶ Glaub. 114.

^{96.} 239. Enc. I. 36. 187.

^{334.} Enc. I. 23.

¹⁴ „Voraussetzung“: Log. I. 196.

^{156.}

¹⁷ „wesentlich Zusammenhängen“: Log. I. 195.

¹⁹ „vermittelt“: Log. I. 197.

² Glaub. 23. Enc. III. 303.

⁵ Diff. 281. W. Beh. 334. Log. I. 185. 239. Enc.

⁷ W. Beh. 337.

⁹ Log. I. 50.

¹⁵ „als relative“: Log. I. 99.

²⁰ Cp.: Log. I. 191—192.

³ Glaub. 29. Diff.

⁸ W. Beh. 337. Log. I. 39.

¹⁰ Log. I. 50.

¹¹ W. Beh.

¹³ „Beziehung“: Cp.: Log. I. 30.

¹⁶ Log. I.

¹⁸ „Schranke“: Log.

были *необходимы* друг для друга¹ и потому *неразрывны*;² каждая представляла из себя нечто своеобразное³ и самобытное и, тем не менее, обе они с самого начала были предначертаны судьбою друг для друга. Ныне им предстоит *принять* эту судьбу и придать своей связи зрелый и завершённый, положительный⁴ характер.

Итак, обеим сторонам предстоит „принять“ друг друга и творчески закрепить это взаимное „приятие“. Оно начинается непосредственно со „второго“ отрицания.⁵ Каждая сторона „отрицает“ себя;⁶ но не целиком, а лишь в меру своей мнимой самостоятельности. Отринуть свою самостоятельность, значит *признать* то, что не даёт ей расцвести, значит утвердить нечто „другое“ как воздействующее на меня и определяющее меня. И вот, каждая сторона убеждается в том, что она вынуждена признать себя в зависимости от другой, признать, что „другая“ *определяет*⁷ её, или, иначе, что *в лице другой она имеет свое существенное свойство*. Оказывается, что „о каждом определении должна быть высказана его противоположность“,⁸ или, иначе: каждое определение оказывается присущим своему „противоположному“, свойственным ему, присутствующим в нём, „входящим“ в него. Выражая эту „присущность“ динамически, можно сказать: „каждая сторона переходит в другую“.

Так именно Гегель и описывает эту стадию конкретизации. Каждая сторона, отказавшись от самостоятельности, „снимает сама себя“⁹ и „полагает себя“ в свою противоположность,¹⁰ а свою противоположность в себя.¹¹ Каждая „сама по себе и по своему определению“,¹² „через себя“¹³ и „из себя“¹⁴ „переходит“,¹⁵ или как бы „превращается“ в другую.¹⁶ Самостоятельность превращается в этот взаимный „переход“,¹⁷ и обе стороны „разрешаются“¹⁸ в это „переходящее туда и сюда взаимоопределение“.¹⁹ Враг утверждает себя в своем враге, или, что то же, превращает себя в своего собственного врага.²⁰ И так — с обеих сторон: обе противоположности переходят одна в другую и этот „двойной переход“²¹ полагает конец их вражде.

Вражда противоположностей прекращается вследствие того, что в них исчезает самая противоположность: их содержание

¹ „unentbehrlich“: Log. I. 386. ² „untrennbar“: Log. I. 90. 108. 182. 196. 386. ³ „eigene... Bestimmung“: Log. I. 182. ⁴ „das Affirmative der Beziehung“: Log. I. 90. ⁵ См. главу шестую. ⁶ Log. I. 159. ⁷ Ср.: Log. I. 153. „Wechselbestimmung“. ⁸ Log. I. 182. ⁹ Log. II. 62. ¹⁰ Log. II. 59. Beweise. 341—342. ¹¹ Log. I. 152. ¹² Log. I. 152. ¹³ Log. I. 108. Log. II. 112. ¹⁴ Log. I. 198. ¹⁵ „übergehen“: Log. I. 108. 108. 198. 256. 400. Log. II. 59. 112. Enc. I. 157. ¹⁶ „umschlagen“: Log. I. 153. ¹⁷ Log. I. 400. ¹⁸ „Auflösung“: Enc. I. 157. ¹⁹ Log. I. 155. ²⁰ Ср.: „Sich als das Andere ihrer selbst zu setzen“: Log. I. 198; „Sich zu dem Anderen seiner macht“: Log. II. 62. ²¹ „Nothwendigkeit des doppelten Uebergangs“: Log. I. 392.

подвергается *спекулятивной ассимиляции* и в результате этого диалектический раздор смолкает.

Сущность этой спекулятивной ассимиляции состоит в том, что каждая из сторон *живым, творческим образом приемлет* в себя *все содержание* другой стороны и целостно вживает его в свое собственное содержание. И обратно: каждая из сторон целостно отдает все свое содержание другой стороне, приемлетя ею и вживается в ее, доселе самостоятельное, содержание. Каждая переводит другую на *свой язык*, и сама переводится на *ее язык*. Или, иначе: каждая выражает чужое содержание в своих „понятиях“ и предоставляет другой выразить свои определения в *ее* „понятиях“. Происходит своеобразный обмен логическими содержаниями, или, если угодно, спекулятивными дарами. Каждая отдается и каждая приемлет. Чужое содержание становится как бы новым способом жизни, или заданным к ассимиляции материалом. Каждая из сторон переживает „своеобразное непосредственное возникновение“¹ или рождение в пределах другой: она „является“,² обнаруживается в ней, „выступает“³ в ее жизни как бы новым узором. И в результате этого *спекулятивного симбиоза* между сторонами слагается новое, своеобразное и утонченное отношение.

Из двух, противоположных сторон, — „А“ и „В“, — каждая получает двойное бытие: во-первых, она есть „в себе“, во-вторых, она есть „в другой“.

Постольку, поскольку она есть „в себе“, она не чужда и не противоположна другой, потому что она приняла ее в себя: она имеет в себе свою собственную противоположность, она включила ее в себя и стала сама ею. „А“ есть уже „В in А“; т. е. не только „А“, и не просто „А + В“ (арифметическая сумма, механическое сосуществование), но такое „А“, которое творчески внедрило в себя „В“: оно есть „А“, но „А“, вработавшее в себя „В“; оно есть „В“, но „В“, вработанное своим содержанием в „А“. Или, иначе, „А“ есть „В in А“.

Постольку, поскольку каждая из сторон есть „в другой“, она тоже не чужда и не противоположна ей потому, что она принята ею и усвоена: она обретается в своей собственной противоположности, она включена ею и претворена в нее. „А“ есть „А in В“; т. е. не только „А“, и не просто „А + В“, но такое „А“, которое творчески внедрено в „В“: оно есть „А“, но „А“, вработанное своим содержанием в „В“; оно есть „В“, но „В“, вработавшее в себя „А“. Или, иначе, „А“ есть „А in В“.

¹ „Entstehen an dem Andern“: Log. I. 153.
³ „hervortritt“: Log. I. 153.

² „erscheint“: Enc. II. 142.

Результат, достигнутый на этой стадии, может быть условно выражен так: „А“ есть („В in А“) + („А in В“); а „В“ есть („А in В“) + („В in А“).

Это состояние бывших противоположностей Гегель описывает так: каждая сторона „есть сама по себе своя противоположность“, ¹ потому что она имеет „в себе“ ² и „при себе“ ³ определения „своего другого“. Каждая „содержит“ ⁴ другую и, в свою очередь, каждая есть „то, что она есть в другой“. ⁵ Содержание одной „включено“ в другую ⁶ и каждая „содержит в самой себе себя и свое противоположное“. ⁷ Это можно выразить так, что каждая сторона становится „единством себя и своего другого“. ⁸ Отношение „противоположности“ постепенно уступает свое место отношению „подобия“: обе стороны содержат „А“, и обе стороны содержат „В“; и потому можно сказать, что одна сторона „есть то же самое, что и другая“. ⁹ Или, иначе: „каждая сама по себе единство обеих“. ¹⁰

Такова стадия *спекулятивной ассимиляции*. Она начинается с того, что стороны продолжают ¹¹ себя одна в другой; и кончается тем, что содержание их становится *одинаковым*. „Каждая есть“ теперь „она сама и ее другое“. ¹² По-прежнему налицо имеются два единства; ¹³ но оба они качественно подобны друг другу, т. е. имеют одно и то же содержание. ¹⁴ Гегель описывает это отношение как „тождество с собою и с другою“ стороной. ¹⁵

Не следует, однако, понимать спекулятивную ассимиляцию так, что она угащает *всякое* различие между сторонами. Это взаимное уподобление имеет свой необходимый и естественный предел в том, что с самого начала стороны были *и* различны, *и* противоположны. Каждая из них, приемля содержание другой в качестве спекулятивного дара не утрачивает тем самым своего собственного, самобытного содержания, но сохраняет его и полагает его в основу творческого ассимилирования. Собственное содержание остается тою средою, которая приемлет и преломляет в себе дарованное извне содержание. Каждая из сторон „излучается в другую“, но каждая имеет своеобразную определенность; ¹⁶ и вот, два различных „исходных пункта“ порождают два различных „результата“. ¹⁷ Обе стороны содержат в себе „А“ и „В“, и притом в виде спекулятивного единства; но единство это определено в каждой по-своему. ¹⁸ Различие определяется

¹ Log. I. 109. Log. II. 157. ² „in jedem“: Log. I. 156. ³ „an ihm selbst“: Log. I. 153. 167. 226. Log. II. 160. ⁴ „enthält“: Log. I. 226. 386. Log. II. 66. 152. Enc. I. 243. ⁵ Log. I. 380. ⁶ Cp.: „schliesst in sich“: Log. III. 341. ⁷ Enc. I. 243; cp.: Log. I. 167. ⁸ Log. I. 153. 157. Log. II. 26. ⁹ Log. II. 173. ¹⁰ Log. I. 157. 458. ¹¹ „Kontinuieren“, „Kontinuation“. Cp.: Log. I. 458. Log. II. 159 и др. ¹² Log. II. 49. ¹³ Log. I. 157. 458. ¹⁴ „Dieselbigkeit der Qualitäten“: Log. I. 458. ¹⁵ Log. II. 160. ¹⁶ Log. II. 110. ¹⁷ Log. I. 162. ¹⁸ Cp.: Log. I. 158.

тем, что в одной из них определение „А“ оказывается „сущим по себе“, а определение „В“ лишь „полагается“ в него;¹ в другой — определение „В“ оказывается „сущим по себе“, а определение „А“ даруется ему для ассимиляции. В результате этого на одной стороне „перевешивает“² определение „А“, и она представляет собою „В in А“; на другой стороне „перевешивает“ определение „В“, и она получает характер „А in В“.³

Это значит, что „А“ присутствует в самом себе *не в том же самом смысле*,⁴ в каком оно присутствует в своей бывшей противоположности. „В in А“ не то же самое, что „А in В“. Каждое из определений является то „приемлющим лоном“, то „приемлемым даром“; и в зависимости от этого ассимилированное единство получает различные черты.

Все это можно выразить так, что диалектическая противоположность „снимается“ и „разрешается“ *дважды* и притом *различно*. Первое преодоление совершается в пределах „А“, его средствами, его силами, его творчеством: в результате этого „В“ оказывается включенным в „А“, творчески вработавшимся в него, вступившим с ним в единство. Но в этом процессе „А“ как приемлющее лоно не исчезает и не погибает; напротив, оно выживает и утверждается в новом богатстве и с новой силою: оно возобладало, превозмогло и, придав себе новое содержание, продолжает свою жизнь по-прежнему в качестве „А“. „В in А“ есть по-прежнему „А“, или, если угодно, „А₁“. Второе преодоление совершается в пределах „В“ его средствами, его силами, его творчеством: в результате этого „А“ оказывается включенным в „В“, вступившим с ним в единство. На этот раз задачу приемлющего лона исполняло „В“; поэтому оно превозмогает, разрешает противоположность в своих недрах и продолжает свою жизнь по-прежнему в качестве „В“. „А in В“ есть по-прежнему „В“, или, если угодно „В₁“.

Итак, спекулятивная ассимиляция заканчивается не *гибелью* сторон и не *утратою их своеобразия*, но только *содержательным уподоблением*. „А“ превратило себя в „В in А“, или в „А₁“, „В“ превратило себя в „А in В“, или в „В₁“. Противоположность „разрешилась“, но в своем разрешенном виде утвердилась в каждой из сторон: по-прежнему налицо две стороны — содержательно-ассимилированные, но формально самостоятельные и, по внутреннему способу жизни, своеобразные.⁵

Однако их взаимное отношение уже не прежнее: их сковывают новые узы и единство их судьбы обнаруживается с новою силою.

¹ Cp.: Log. I. 230. ² „überwiegend“: Log. I. 458.

Unendliches“; „verunendlichtes Endliches“: Log. I. 158.

⁴ Cp.: „Ihr Unterschied ist so der Doppelsinn, den beide haben“. Log. I. 162.

⁵ Cp.: „der aufgehobene Gegensatz, aber als Seite des Gegensatzes selbst“: Log. II. 50.

³ Cp.: „verendlichtes

⁴ Cp.: „Ihr Unterschied

⁵ Cp.: „der aufgehobene

Эту связь Гегель выражает так: обе стороны суть „лишь моменты“.¹

Быть „моментом“ значит быть необходимым, реальным коррелятом для чего-то „другого“. „Момент“ есть, прежде всего, нечто несамостоятельное.² Он реален не сам по себе, а через свою связь со своею противоположностью.³ Его бытие определяется не через отношение к себе и *только к себе*, но через отношение⁴ к другому. Это можно выразить так, что „момент“ „идеален“;⁵ для того чтобы достигнуть реальности, он нуждается в конкретном восполнении, он должен стать моментом „целого“;⁶ т. е. его живую и необходимую частью. Сам по себе „момент“ не истинен: его истина только в живом отношении к его противоположности,⁷ в „снятии“ ее и соединении с нею.⁸ Мало того, один „момент“, оторванный от другого, лишен „всякого смысла“ и значения;⁹ они сообщают друг другу свои определения, утверждают один „посредством“¹⁰ другого и тем достигают завершения.¹¹ Этим обнаруживается в новом свете неразрывность сторон, начавших с горделивого взаимо-отрицания и „опустившихся“,¹² затем до звания „моментов“.

Однако установление такой связи не завершает „спекулятивную конкретизацию“, ибо стороны еще не соединены ею надлежащим образом. Процесс „ассимиляции“ возобновляется и продолжается непрерывно; он становится для обеих сторон устойчивым и постоянным *способом жизни*, и только в результате этого возникает истинный, конкретный синтез.

Это означает, что обмен „спекулятивными дарами“ происходит не только между „А“ и „В“, но и между „А₁“ и „В₁“, и между „А₂“ и „В₂“ и т. д. Все, чем обогатилась каждая из сторон в процессе взаимного приятия, передается ею другой стороне: „В in А“ переходит в „В₁“ и творчески проникает в его обновленное содержание; и, обратно, „А in В“ переходит в „А₁“ и встречает там живое, творческое приятие. Динамическая непрерывность этого обмена вызывает сплошное взаимодействие между сторонами: каждый момент совершает неустанное „воплощение“,¹³ другого момента в себя и себя в свой коррелят. Спекулятивная ассимиляция становится все более цельной и глубокой и, наконец, приводит к „совершенному проникновению“¹⁴ сторон друг в друга.

¹ „nur Momente“: Log. I. 161. 162. 400 и др. ² Beweise. 343. 344. ³ Log. I. 161. 460. ⁴ „Beziehung“: Log. I. 460. Beweise. 343. ⁵ Ср.: Beweise. 343. 344. ⁶ Log. I. 161. 229 и др. ⁷ Ср.: Log. I. 125. 229. ⁸ Ср.: „Einheit“: Log. I. 125. 129. 229. 400. 460. Log. II. 87 и др. ⁹ „Keinen Sinn“: Beweise 341—342. Ср.: Log. I. 460. ¹⁰ Ср.: Log. I. 161. Log. II. 175. Beweise. 343. ¹¹ Log. I. 229. ¹² „herabsinken“, „herabsetzen“: Log. I. 108. 455. ¹³ Ср.: „einverleibt“: Log. I. 130. ¹⁴ „Vollkommene Durchdringung beider“: Log. II. 120.

Тогда содержание каждого момента в совершенстве уподобляется содержанию другого и скрепляется с ним в некую „зрелую, непрерывную сплошность“.¹ Стороны „продолжают“² себя друг в друге так, что каждая из них „разрешает себя и утрачивает себя в другой“.³ Каждый момент находит себя и в себе самом и в своем корреляте;⁴ когда один проникает в другой, то он совершает, тем самым, возвращение или „рефлексию“ в себя;⁵ и обратно, „рефлексия в себя“ есть тем самым воздействие на другой момент. Эта утрата себя в другом и нахождение другого в себе ведет к тому, что оба момента перестают быть друг для друга „инобытием“; а это значит, что каждый, утверждаясь через „другого, утверждается *eo ipso* через самого себя“.⁶ „Разнобытие“ уступает свое место „единобытию“, и стороны „сливаются“⁷ или „смыкаются“⁸ в единое, целостное образование.

Спекулятивная ассимиляция, как устойчивый *modus vivendi*, соединяет реальные смыслы в живое единство, в „проникновенное тождество“.⁹ Оба момента оказываются „совершенно соединенными“,¹⁰ „едиными в высшей степени“,¹¹ и различия их уже не бременят друг друга, но творят радостное восполнение.

Оказывается, что былая разъединенность и противоположность¹² совершенно уступила свое место единению. То самое, что живет в одном из моментов, живет и в другом; но только в ином порядке и в иной форме. Соединяясь с другим, каждый момент соединяется с самим собою, но с собою, творчески обновленным и преображенным. В каждом из моментов „проступил“ и обнаружился другой, и обоими овладело содержательное единство и единение. Это значит, что в каждом живет *индифференция* или содержательное „тождество“, которое и творит в обоих свой закон.

Примирение противоположностей было возможно только потому, что обе они возникли из первоначального, единого лона и никогда не теряли с ним живой, имманентной связи: каждая из сраставшихся сторон была видоизменением единой, исходной Всеобщности, которая присутствовала в обеих своею подлинною природою.¹³ Спекулятивная ассимиляция создает некое единое содержание, в котором сочетаются, восполняют друг друга и нейтрализуются диалектические противоположности. Это единое содержание, которое лучше всего было бы обозначить монограм-

¹ „gediegene, ununterbrochene Continuität“: Enc. II. 227. ² „Kontinuieren“: Log. I. 198. 391. 458. Log. III. 187. ³ „aufgelöst und in ihre Andere verloren“: Log. III. 62. ⁴ Cp.: Log. I. 161. Log. II. 161; cp.: Log. I. 391. ⁵ Cp.: Log. I. 167. 380. Log. II. 206. ⁶ Cp.: Log. I. 197. ⁷ Cp.: „Kontondirt sich“: Log. III. 62. ⁸ Cp.: „Zusammenschliessen“: Log. III. 141. 216. и др.; „zusammengeschlagen“: W. Beh. 395. ⁹ Cp.: Log. II. 178. ¹⁰ „Vollkommen Zusammengeeeint“: W. Beh. 395. ¹¹ „aufs höchste Eins“: W. Beh. 395. ¹² См. главу шестую. ¹³ См. главу пятую.

мою, составленную из „А“ и „В“, соединяет в себе обе „дифференции“, не впадая, однако, ни в одну из них. Поэтому оно и может быть названо „индифференцией“.¹ Однако не в том смысле, что различие угасло в ней бесследно; наоборот, оно не только сохранилось, но претворилось в высшее и богатейшее содержание. И не в том смысле, что оба, своеобразно оформленные и самобытно упорядоченные, момента прекратили свое „бытие“; наоборот, они оба сохранились и „конкретизировались“, срослись в единую целокупность. „Индифференция“ есть единство не до различия и не без различия, но единство *после* различия и с сохранением его; иначе невозможно было бы спекулятивное обогащение. Состав „индифференции“ сложен как в содержательно-качественном отношении, так и в смысле формы и объема. В ней сохраняются не только противоположные „определения“, но и различные, уже ассимилированные моменты: спекулятивная индифференция есть конкретное *целое*² живых смыслов, а смысловые моменты суть его живые части.³

Итак, конкретный синтез подлежит закону Всеобщности; оно есть осуществление и утверждение этого закона. Это означает, что *созданная* им „индифференция“ есть то самое, что *само* производило и *создавало* спекулятивную ассимиляцию: *causa finalis* в своем зрелом, осуществленном виде есть не что иное, как *causa efficiens*, достигшая своего победного обнаружения.

Весь процесс „конкретизации“ следует представлять себе так, что он совершается в пределах известной, недоопределенной Всеобщности, *ее* силами и во имя *ее* цели. Эта Всеобщность есть та *основа* (Grund), которая творит в себе раздвоение, присутствует имманентно в каждой из сторон и вслед затем движет их изнутри ко взаимному приятию и сращению. Завершение конкретного синтеза обнаруживает или разоблачает эту основу как творческую *силу* и в то же время как *результат*, свободно утвердившийся там, где царил распря. Туман⁴ диалектической видимости расступается, и за ним обнаруживается первоначальная „основа“ Понятия во всей ее „прозрачной ясности“,⁵ „глубине“⁶ и содержательной зрелости.

Дело не только в том, что „в результате по существу сохраняется то, из чего он результирует“;⁷ дело в *субстанциальном, творческом единстве начала и конца*. Созданное единство есть „первоначальная сущность обеих“ сторон,⁸ их „субстанция и душа“.⁹ Это единство обогатилось в процессе, но само по себе

¹ Ср.: W. Beh. 356—357. 357. 393. Log. I. 400. 458 и др. ² Ср.: W. Beh. 357. Log. I. 458. ³ См. главу пятую. ⁴ Ср.: „jeder Unterschied keine Unterbrechung, Trübung macht“: Enc. I. 324. ⁵ „Klarheit“, „durchsichtig“; Enc. I. 324. ⁶ „der tiefe und reiche Gehalt“: Enc. I. XXXIII. ⁷ Log. I. 41; ср.: Log. I. 69. Log. III. 340. 341. ⁸ Beweise. 354. ⁹ „deren Substanz und Seele“. Beweise. 342.

оно осталось тою же самою Всеобщностью, которая создала в себе исходное раздвоение. Все дело „разложения“ и „воссо-единения“ есть не что иное, как проявление самой „основы“. „Самая противоположность“ была не чем иным, как осуществлением этой основы;¹ и точно так же процесс взаимного „опосредствования“ был ее „собственным действием“;² и, наконец, когда сращение осуществилось, то оказалось, что „разрешенное противоречие“ есть не что иное, как сама основа, которая „содержит и несет“ в себе свои определения.³ Конкретизация состоит в том, что „противоположность возвращается в свою основу“⁴ и что „зрелое“, „проникновенное“ единство сторон⁵ творится самою основой, ныне исполненной нового содержания.⁶ Заключительный синтез субстанциально совпадает с предпосланным⁷ основанием, и первоначальная сущность, раскрытая в виде целокупности определений, совпадает с самою основой.⁸ Так подтверждается формула Гегеля, гласящая, что конкретный синтез есть лишь „схождение предмета с самим собою“.⁹

Это схождение предмета с самим собою совершается так, что „моментами“ овладевает *одинаковое* содержание, которое по существу есть *единое* и *общее* содержание. Спекулятивная конкретизация может быть описана как постепенное подчинение противоположностей содержательному *подобию* и, далее, как превращение этого подобия на пути непрерывного обмена спекулятивными дарами в сращенное, нерасторжимое *единство*, спаянное единым и общим содержанием. Этот процесс Гегель характеризует нередко как „умозаключение“ (Schluss), или, что то же, как „смыкание“, „слияние“ понятий; и тогда единое и общее содержание, имеющее сначала вид *двух*, взаимно *подобных* или *одинаковых* содержаний, получает значение „среднего термина“, или, попросту, „средины“ (Mitte).¹⁰

В спекулятивной конкретизации срастаются, сливаются или, если угодно, „заключают союз“ два „противоположных“ понятия: „S“ и „P“ (субъект и предикат). Это слияние совершается через посредство связующего их, общего для них „содержания“ — „M“ (medius terminus).¹¹ „M“ обнаруживается и в „S“, и в „P“, овладевает ими и утверждает себя как „конкретное единство“ обоих понятий.¹² В этом и состоит сущность „спекулятивного силлогизма“: „первораздел“ суждения (Urtheil) делит¹³ исходную Всеобщность на две крайние противоположности;¹⁴

¹ Ср.: Log. II. 62. ² „Vermittelung... das eigne Thun des Grundes“: Log. II. 107. ³ Ср.: Log. II. 62. 72. 184; ср.: Log. I. 458. ⁴ Log. II. 61. ⁵ Ср.: Log. II. 178. ⁶ „inhaltvolle Grundlage“: Log. II. 178. ⁷ Log. II. 112. Beweise. 343. ⁸ Enc. I. 243. ⁹ Ср.: Log. II. 114. ¹⁰ Ср., напр.: Glaub. 37. Phän. 223. 379. Log. III. 141. 148. 167. Enc. II. 246. 367. Enc. III. 380. ¹¹ Ср.: Log. III. 141. ¹² Log. III. 141. ¹³ Ср.: „Diremption“. Log. III. 112. ¹⁴ Ср.: Phän. 379. Log. II. 20. Log. III. 120. 141.

„слияние“ *силлогизма* (Schluss) воссоединяет этот разрыв через посредство творческой „средины“.¹ В результате обнаруживается, что „антиномия умозаключения“² преодолена, и вывод, гласящий, что „S“ есть „P“, обозначает внутреннее единство³ и конкретное тождество⁴ враждовавших противоположностей.

Это слияние состоит, в свою очередь, из *трех слияний*;⁵ в каждом из них участвуют те же самые термины, но каждый раз они образуют особую комбинацию сращения. Так, во-первых, момент „А“ („субъект“) сливается с моментом „В“ („предикатом“) через посредство середины „М“; это слияние совершается в пределах „А“. Во-вторых, момент „В“ („предикат“) сливается через посредство той же середины „М“ с моментом „А“ („субъектом“); это слияние совершается в пределах „В“. И, наконец, в-третьих, середина „М“ (*сущность и основа*) сливается сама с собою⁶ через посредство моментов „А“ и „В“, опосредствуя их друг через друга; это слияние совершается в пределах середины „М“.

Все эти слияния можно представить себе порознь, в порядке последовательности: сначала процесс спекулятивной ассимиляции в пределах одной стороны; потом тот же процесс в пределах другой стороны; и, наконец, завершение обоих слияний в „конкретном тождестве“ результата. Все эти три слияния связаны взаимной необходимостью, так, что ни одно из них невозможно без двух других: они образуют некий „круг взаимного предположения“.⁷ Однако, по существу, они не только необходимы друг для друга, но представляют из себя *единое слияние*, состоящее из трех „внутренне проникающих друг в друга слияний“.⁸ *Процесс спекулятивной ассимиляции, совершающийся в обоих моментах, есть не что иное, как процесс самой середины, сливающейся с собой через посредство тех двух слияний.* То, что совершается в „А“ и в „В“, есть творчество и обнаружение самого „М“; так что ассимиляция сторон есть уже слияние основы с нею самою и все три процесса образуют один единый: жизнь особенного и единичного есть жизнь самой Всеобщности.

Отсюда уже ясно, что спекулятивное умозаключение сосредоточивается в своем *terminus medius*, который оказывается его началом, его творцом и его результатом. Этот результат устанавливает для первоначальной Всеобщности новое, обогащенное содержание: Понятие оказывается определенным „сполна“,⁹ „исполненным содержания“,¹⁰ реальным¹¹ и действитель-

¹ Ср.: Phän. 379. ² Log. II. 169. ³ Phän. 379. ⁴ Ср.: Glaub. 24.
⁵ Ср., напр.: Log. III. 141. 344. Enc. I. 372. Enc. II. 413. 468. Enc. III. 451.
⁶ Ср., напр.: Enc. I. 346. Enc. III. 273. 411. ⁷ Log. III. 141.
⁸ „Dreihelt von innigst ineinander greifenden Schlüssen“: Enc. II. 413.
⁹ „Vollständig“: Log. III. 34. ¹⁰ „inhaltsvoll“: Log. I. 397. Log. III. 120.
¹¹ Ср.: Enc. I. 345.

ным;¹ „развитою и объективною Всеобщностью“.² Богатство этого результата гарантируется тем, что *средина* включает в себя *оба момента* и утверждает себя как их „тождество“ и „тотальность“.

Идея „тождества“, лежащая в основании формальной логики, разделяет у Гегеля судьбу всех других идей: она преобразуется, обновляется в своем содержании и получает новое, спекулятивное значение.

„Спекулятивное тождество“³ есть не „устойчивость вне процесса“, но „устойчивость в процессе“; оно не исключает образования новых различий и противоположений, но, наоборот, включает их в себя и, обогащаясь ими, остается верным своей первоначальной природе. „Тождество“ означает в устах Гегеля *конкретное единство двух, содержательно ассимилированных и формально сращенных, реальных смыслов*. Достигая конкретного синтеза и вступая друг с другом в „тождество“, стороны „уничтожаются“⁴ в своей односторонности и „угасают“⁵ в своей самостоятельности: их поглощает „идифференция“, которая, однако, сохраняет их первоначальную дифферентность.⁶ Тождество есть результат спекулятивного „снятия“ и „подъема“.⁷ Поэтому „тождественные“ моменты не исчезают совсем, но и не стоят друг с другом в „отношении“. Если бы они остались в „отношении“ друг к другу,⁸ то они не вступили бы в необходимое спекулятивное „слияние“ и единство; и тогда „тождество“ осталось бы „относительным“.⁹ Но „истинное тождество“¹⁰ не относительно, а „абсолютно“:¹¹ оно устанавливает конкретное, неразрывное¹² единение между сторонами, то единение, которое присуще только спекулятивной „тотальности“.

Спекулятивная тотальность отличается от простого „эмпирического целого“ не только своим исчерпывающим объемом, но и *внутреннею связью частей ее между собою и частей с целым*. Эта внутренняя связь определяет собою самую глубокую природу спекулятивной конкретности и заставляет признать *ее органический характер*.

Итак, природа конкретного единства, или, что то же, природа *органической тотальности*, определяется, во-первых, *слиянием частей ее между собою*, и во-вторых, *слиянием частей ее с самою тотальностью*. Это может считаться уже установленным сущностью спекулятивного „умозаключения“, ибо органическая

¹ Ср.: Log. I. 397. ² Log. III. 167. ³ Enc. I. 363. ⁴ Glaub. 117.
⁵ Glaub. 116. ⁶ „unterscheidet sich, aber ist zugleich identisch“. Enc. I. 329.
⁷ Ср.: Diff. 203. 251. 252. ⁸ „Verhältniss“: Glaub. 70. W. Beh. 347.
⁹ „relative Identität“: Glaub. 129. W. Beh. 347. 359. ¹⁰ „wahre Identität“: Glaub. 7. 137
¹¹ Glaub. 21. 23. 29. Diff. 198. 223. 251 и др.
¹² „Schlechthin unzertrennlich“: Glaub. 29.

тотальность есть не что иное, как результат спекулятивного, триединого слияния.¹

Связь конкретных частей друг с другом есть связь творческого *взаимопитания*. Именно эта связь превращает „моменты тождества“, или, что то же, „части целого“, или, что то же, „термины умозаключения“, в „члены органического единства“ или в „органы единой тотальности“.

Диалектика уступает свое место спекулятивной конкретности с того момента, как обнаруживается *мнимость взаимоисключения* врагов и утверждается их коррелятивность, их *взаимопринадлежность*. Оказывается, что „противоречивые“ определения не только возможны друг при друге, но невозможны друг без друга и, далее, что эта невозможность получает на пути взаимных *переходов* и *ассимиляции* значение положительной, творческой связи. Стороны получают значение „моментов“, или, что то же, несамостоятельных видоизменений единой Всеобщности; эти модификации *вработываются* одна в другую, *уподобляются* и, наконец, *сливаются* друг с другом благодаря непрерывной сплошности *взаимодействия*.

В этом слиянии каждый из „моментов“ сохраняет свой облик, свое наименование и даже самобытность своего внутреннего строя: между ними остается различие, которое не может быть уничтожено никакою содержательною ассимиляцией. Каждая из „частей“ вынашивает то содержание, которое присуще и другой; но, раз начав с особого, „противоположного“ определения, каждая неизбежно сохраняет оригинальность внутреннего строя и особливость своего облика и объема. Каждая сторона вынашивает то же самое, но по-своему, и оказывается незаменимой как для другой части, так и для всего целого.

Одна часть связана с другою „существенною связью“² *взаимного питания*. Приняв в себя свою „противоположность“ и сделав себе из ее содержания творческий *modus vivendi*, каждая из сторон является для другой постоянным источником жизненного содержания. Каждый акт, каждое обновление одной из них, неизбежно передается и другой, вовлекая ее, через спекулятивное приятие и своеобразный, ассимилирующий отклик и повторение. Жизнь и содержание одного момента обуславливают жизнь и содержание другого;³ каждый нуждается в том, чтобы другой жил и поддерживал себя. А эта связь имеет уже „телеологический“ и „органический“ характер.

Живая связь двух частей, взаимно нуждающихся друг в друге, есть связь *телеологическая*: каждая имеет в другой свое

¹ Ср., напр.: Enc. II. 557; а также: Phän. 223. Log. III. 145. 148. 167. 169. 216. 218. Enc. I. 372. Recht. 396. ² „Wesentliche Verbindung“: Log. II. 182. ³ Ср.: „Sich bedingende Momente“: Recht. 379.

„средство“ и в то же время свою „цель“,¹ потому что она поддерживает *ее для себя и себя для нее*. Части перестают быть просто „частями“; они становятся „членами“² и „органами“.³ „Каждый член, поддерживая себя для себя, поддерживает тем самым другие члены в их своеобразии“;⁴ он поддерживает их уже одним тем, что „наполняет свою собственную сферу“;⁵ и каждый орган, питая другой, поддерживает этим самого себя.⁶ Орган органу есть сразу и цель, и продукт,⁷ и средство: каждый создается и утверждается другим⁸ и, питая себя, питает своего „сочлена“.⁹

Это означает, что „члены“ органически вырастают друг в друга и приобретают как бы единый „инстинкт самосохранения“. Они „присутствуют“ один в другом; они спекулятивно-конкретны; она имманентны друг другу. Каждый хранит в себе судьбу другого: его жизнь, его содержание; каждый служит другому и обслуживается им. Спекулятивные члены конкретного единства связываются друг с другом, подобно органам естественного организма или друзьям, живущим в истинной близости.

Это взаимное единение конкретных членов обнаруживается с особенною силою в их совместном единении с самою „органическою тотальностью“.

Спекулятивная связь „члена“ с „тотальностью“ существенно отличается от обычного отношения „части“ к „целому“. Обычно „целое“ понимается так, что части сохраняют свою самостоятельность друг от друга и от целого.¹⁰ Возникает представление о механическом соединении, об арифметической сумме или эмпирическом агрегате. При этом „часть“ представляется как существующая и помимо целого;¹¹ она присоединяется к целому извне и остается *меньше* его во всех отношениях. Внутреннее единение „тотальности“ и „ее членов“ резко отличается от этого „бессмысленного отношения“.¹²

В конкретном синтезе „часть“ в известном смысле равна своему целому. Это, с виду парадоксальное, утверждение следует понимать не в смысле „объема“, но в смысле „содержания“. По самой природе спекулятивного „слияния“ тождество моментов возникает в результате творческих усилий „средины“, создающей в каждом из них свое единое, обогащенное синтезом содержание. Поэтому содержание самой тотальности присутствует в каждом из сросшихся моментов: каждый из них содержит в себе индифференцию во всей ее содержательной тотальности¹³ и меньший

¹ Enc. I. 118.
363. 416. 423.

378.

Beweise. 343.

71.

² „Glieder“: W. Beh. 380.

³ „Organe“: W. Beh. 380.

⁵ Recht. 379.

⁹ Sp.: Phän. 374.

¹² Log. II. 170.

Enc. I. 269.

² „Glieder“: W. Beh. 380. Log. III. 251. Enc. I. 118. Recht.

³ „Organe“: W. Beh. 380. Beweise. 457 и др.

⁶ Beweise. 457.

⁹ Sp.: Phän. 374.

¹² Log. II. 170.

Enc. I. 269.

² „Glieder“: W. Beh. 380. Log. III. 251. Enc. I. 118. Recht.

³ „Organe“: W. Beh. 380. Beweise. 457 и др.

⁶ Beweise. 457.

⁹ Sp.: Phän. 374.

¹² Log. II. 170.

Enc. I. 269.

⁴ Recht.

⁴ Recht.

⁷ Sp.: Recht. 379.

⁸ Sp.:

¹¹ Glaub.

Glaub.

¹⁰ Sp.: Enc. I. 269.

¹³ Sp.: Log. I. 458.

объем части не мешает ей владеть всем содержанием целого. Гегель выражает это так: „часть имеет в самой себе все Понятие“, ¹ так, что „единичное стоит в абсолютной индифференции со всеобщим и целым“; ² „каждая часть сама есть целое или каждое определение есть тотальность, т. е. определение стало вообще вполне прозрачною явью, различием, которое в своей утвержденности исчезло“. ³

Согласно основному закону Всеобщности, тотальность входит целиком в свои части и утверждает себя как их живую сущность. Она устанавливает этим *содержательное равенство* между собою и ими, так, что каждый член является „простою всеобщностью, в которой растворены все определения“. ⁴ Каждая часть по своему содержанию равна целому, или, что то же, есть само целое, ⁵ природа тотальности представлена в ней, ⁶ содержится в ней, ⁷ творчески владеет ею. ⁸ „Средина“, борющаяся за свое осуществление в каждой из сраставшихся сторон, приводит все свои члены к содержательной однородности и ассимилированному богатству определений. В этом — сущность спекулятивной конкретности.

Это присутствие тотальности в ее членах имеет характер творческого господства и определяющего созидания. Тотальность „живым образом проникает“ ⁹ в свои части, растворяет их ¹⁰ своим индифференцированным содержанием и превращает их в текущие процессы. ¹¹ В результате этого обнаруживается „господство целого“ ¹² над частями.

„Члены“ органической тотальности, или, что то же, ее „моменты“, ¹³ „части“, ¹⁴ „потенции“, ¹⁵ „органы“ ¹⁶ подчинены ей: они обусловлены ею, ¹⁷ всецело определены ее целью ¹⁸ и стоят от нее в зависимости. ¹⁹ Ни одна часть ее не существует сама по себе; ²⁰ все они только в тотальности и только через нее. ²¹ Орган имеет „смысл и значение только через свою связь“ ²² с организмом: каждая черта, каждая деталь его „создавалась через целое“ и остается ему подчиненной. ²³ Жизнь членов возможна только в тотальности, ²⁴ так, что „равновесие“ частей в целом ²⁵ есть подлинное условие их бытия.

¹ Log. III. 247. ² W. Beh. 398. ³ Log. II. 187. ⁴ Phän. 209.
⁵ Ср.: Diff. 182—183. Glaub. 71. Log. I. 156. Enc. I. 315. Enc. II. 470. ⁶ W. Beh. 392. 392—393. ⁷ Recht. 351. ⁸ Ср.: „wirksam“: Recht. 351.
⁹ „lebendig durchdringt“: W. Beh. 416. ¹⁰ „auflöst“: Phän. 357. ¹¹ „fließendes Moment“: Phän. 208; „durchlaufende Prozesse“: Phän. 209. ¹² „Herrschaft des Ganzen“: W. Beh. 410. ¹³ Ср.: Phän. 4. 209. Recht. 363. 419 и мн. др. ¹⁴ Ср., напр.: W. Beh. 412. 412. Enc. II. 470. Log. II. 187. Log. III. 247; осуждение этого термина и представления: Log. III. 251. Recht. 363. 379.
¹⁵ Ср.: W. Beh. 410. 412. ¹⁶ Ср.: W. Beh. 380 и др. ¹⁷ W. Beh. 410.
¹⁸ Recht. 364; ср.: Glaub. 125. ¹⁹ Ibidem. ²⁰ Glaub. 126. ²¹ Diff. 265. Log. II. 165. ²² Diff. 183. ²³ „unterthänig“: W. Beh. 417. ²⁴ „Ihr Leben nur im Ganzen zu haben“: Phän. 338. ²⁵ „Gleichgewicht“: Phän. 344.

Это соотношение можно выразить так, что органическая тотальность творит себя через свои части и творит свои части для себя. Члены конкретного тождества возникают благодаря тому, что тотальность вносит в себя различие,¹ обособляет,² расчленяет себя³ и тем создает себе живую и организованную ткань бытия. Каждый член создает и утверждает тотальную ткань бытия. Каждый член создается и утверждается тотальностью как ассимилированный по содержанию, но своеобразный по внутреннему строю и незаменимый по объему, как живой и необходимый⁴ ингредиент целого; и в результате этого оказывается, что истинное своеобразие частей слагается лишь в силу спекулятивной ассимиляции: вне тотальности возможно только абстрактное, мертвое своеобразие, или, вернее, пустое *посвягание* на самобытность. В организме части не самостоятельны: они пребывают в „идеализме“,⁵ т. е. лишены самостоятельной реальности; зато через свою связь с органической тотальностью они причастны истинному бытию и подлинному своеобразию.

Итак, конкретная тотальность есть живая смысловая субстанция, сама себя создающая, расчленяющая⁶ и поддерживающая.⁷ Эта субстанция в качестве истинной Всеобщности⁸ живет и „движется“ исключительно по собственной, „внутренней необходимости“,⁹ осуществляя свою цель и подчиняя ей свои части. Органическая тотальность живет по своей внутренней целесообразности;¹⁰ она есть истинный, спекулятивный „организм“,¹¹ или, что то же, живая „система“¹² смысловых определений. Она творит процесс самодеятельного развития, раскрывающий ее собственную сущность и протекающий совершенно в ее пределах: она творит себя, из себя и ради себя. Поэтому она должна быть определена как „сама реальная цель“,¹³ в творчестве которой „первое“, „созидающее“ совпадает с „последним“, с „результатом“:¹⁴ *causa efficiens* есть не что иное, как *causa finalis*.

Это означает, что деятельность конкретной тотальности протекает в *обращении на себя*: она определяет только сама себя и, следовательно, „возвращается в себя“¹⁵ всем своим творчеством; „рефлексия в себя“ составляет самую сущность ее¹⁶ и

¹ „unterscheidet“: Enc. III. 405. Recht. 263. 331. 356. ² „Sich besondert“: Enc. III. 396 и др. ³ „Gliederung“: Phän. 446. Enc. II. 590; применении к диалектическому противоположению. Phän. 136. ⁴ „gleich nothwendig“: Phän. 4. ⁵ Ср.: Recht. 363. ⁶ „Sich gliedern“: Enc. II. 464. 550. 590. Beweise. 458. ⁷ „erhält sich“: Phän. 196. 197. 198. 446. Enc. II. 419. Beweise. 457. ⁸ Ср.: Phän. 198. 199. 200—201. 209. Enc. II. 550. Enc. III. 396. ⁹ „innere Nothwendigkeit“: W. Beh. 330. 335. Phän. 195. Recht. 416. ¹⁰ Phän. 199. Log. III. 251. Enc. I. 117. 119. ¹¹ Ср.: Glaub. 92. Diff. 182. 183. 188. 199. W. Beh. 369. ¹² Diff. 188. 188. 200. W. Beh. 406. 416. ¹³ Ср.: Phän. 195. 197—198. ¹⁴ Ср.: Phän. 196. 196. 196. Beweise 457. ¹⁵ Ср.: Phän. 196. 196. 198. Log. III. 224. 226. 233. Beweise. 457. 461. ¹⁶ Phän. 210. 215. 226.

это направление деятельности придает ей характер „кругового“ коловращения.¹ В жизни конкретной субстанции „начало“ есть то самое, что обнаруживается в „итоге“ и что составляет „цель“ всего движения: „конец есть начало, следствие есть основание, действие есть причина“.² Осуществляется лишь то, что уже реально,³ и тотальность предстает как истинная *causa sui*.⁴ Вот почему образ „бесконечно вращающегося круга“ передает ее основную природу.

Конкретная тотальность бесконечна не потому, что процесс ее продолжается „без конца“, никогда не достигая завершения и всегда страдая неполнотой.⁵ Но именно потому, что он всегда отличается творческой завершенностью; он всегда довлеет себе; он всегда обращен к самой тотальности, возвращается в нее,⁶ утверждая ее „бытие для себя“;⁷ он, по самой природе своей, свободен от „инобытия“ и создает *из себя* всякое различие.⁸ Конкретная тотальность не имеет „конца“,⁹ т. е. такого пункта, где для нее начиналось бы инобытие: ни в деятельности — ибо она есть сама чистая активность, для которой получить воздействие значит получить воздействие от самой себя;¹⁰ ни в бытии — ибо она есть единственная реальность, сама субстанция. Поэтому смысловой организм обладает истинною бесконечностью: он есть *infinitum actu*, т. е. он „действительно бесконечен, потому что он в себе завершен и предстоит“.¹¹

Спекулятивный организм может быть поэтому описан как „целое, несомое в себе самом и завершенное“;¹² он „не имеет основы вне себя, но обоснован через самого себя, в своем начале, в средствах и в конце“.¹³ Он являет собою „завершенное самообразование“,¹⁴ движущееся из единого „фокуса“¹⁵ и „сливающееся“, „сходящееся с собою“¹⁶ в трех слияниях.¹⁷ Это есть целое, самодеятельно дифференцирующее себя на необходимые органы, содержательно ассимилированные, но, по внутреннему строю, своеобразные. Это целое нуждается в своих органах и потому вызывает их к жизни; и, создав их, оно живет *не вне их, а в них, в виде их, посредством их*. Спекулятивный организм есть развитая и сращенная целокупность своих органов в их живом единстве; ибо он есть Всеобщность, состоящая из своих

¹ Ср.: „Kreis“, „Kreislau“, „in sich kreisende Bewegung“: Phän. 15. 295. 577. Log. I. 65. 65. 163. Log. III. 350. 351. Enc. I. 23. 26. Beweise 457. ² Log. III. 228; ср.: Phän. 17. Enc. I. 376. ³ Log. III. 228. ⁴ Log. III. 218. ⁵ Такова „дурная“ „эмпирическая“ бесконечность незавершаемого прогресса. Ср., напр.: Glaub. 37. 66. 69. 130. 135. 153. Log. II. 239. Enc. I. 120. 184. 207—208. 219. 269. Enc. III. 113. 397. 399 и др. ⁶ Ср.: Log. I. 147. 174. 183. 262. 380. 396. 467. Recht. 43. 366. Beweise. 393. ⁷ Log. I. 174. 175. 282. ⁸ Phän. 125. Log. I. 397. ⁹ Ср.: Log. I. 163. ¹⁰ Log. II. 177. Recht. 43. ¹¹ Log. I. 297. Курсив Гегеля. ¹² Diff. 199. ¹³ Ibidem. ¹⁴ Diff. 248. ¹⁵ „Fokus“: Diff. 250. ¹⁶ Log. I. 468. Log. III. 240. Enc. II. 619. ¹⁷ Enc. II. 557; ср.: Phän. 223.

единичностей,¹ или, что то же, „Субстанция как тотальность своих акциденций“.² И каждый из этих членов живет имманентным ритмом³ своей тотальности, приемлет в себя ее единое содержание, модифицирует это содержание по-своему и, воспроизводя в себе жизнь субстанции, раскрывается сам в особую, подчиненную „индивидуальную тотальность“.⁴

Такова природа конкретного синтеза. Он слагает всегда некое „синтетическое единство“,⁵ „истинное“,⁶ „положительное“,⁷ „внутреннее“,⁸ „живое“ и „конкретное“.⁹ Это „первоначальное и абсолютное единство“,¹⁰ полное содержания,¹¹ являет собою „живой образ“,¹² внутренне спаянный „нераздельную непрерывность“¹³ и абсолютную текучестью.¹⁴ Он есть совершенный организм, предающийся „спокойному“¹⁵ и „гармоническому“¹⁶ „самонаслаждению“¹⁷ и пронизывающий биением своего пульса все кровеносные пути своих органов.¹⁸ Всегда равный себе, всегда обращенный на себя,¹⁹ он заставляет свои части вести „совместную и богатую жизнь“²⁰ и сливаться в творческое функциональное единство. Поэтому жизнь его может быть описана как замкнутое пульсирование самоутверждающейся абсолютной индивидуальности; или как замкнутая система, ведущая свое „живое движение“²¹ во многих сросшихся системах; или как реальная цель, творящая в себе богатство конкретного содержания; или, наконец, как *самоопределяющая сила мысли*.

Именно этой силе мысли присуща способность „исцелять“ диалектические раны так, чтобы „не оставалось шрамов“;²² приводить противоположности к „живой связи“,²³ к „внутреннему тождеству“,²⁴ к качественной индифференции²⁵ и спокойному равновесию.²⁶ И эта способность к слиянию и сращению не покидает Понятия на всем протяжении его восходящего пути. Всюду, где живет мысль — творятся ее законы, осуществляется ее способ жизни, обнаруживается ее ритм. Но, так как мысль есть сама реальность,²⁷ живая субстанция всего сущего, то все

¹ См. главу пятую. ² Ср.: Enc. I. 300. ³ Ср.: „Rhythmus des organischen Ganzen“: Phän. 45. ⁴ Ср.: Enc. II. 360. Enc. I. 23. 359. ⁵ Ср.: Log. I. 69. 229. Log. III. 68. Enc. I. XV. 22. 69. 157. Beweise. 341. ⁶ „wahrhafte Einheit“: Glaub. 45. W. Beh. 331. 339. 356—357. 378. Phän. 4. ⁷ Ср.: W. Beh. 420. ⁸ W. Beh. 420. ⁹ Log. I. 33. 50. 50. ¹⁰ W. Beh. 335. ¹¹ Log. I. 397. ¹² „lebendige Gestalt“: W. Beh. 391. ¹³ „ungetheilte Kontinuität“: Phän. 446; „durch keine Grenze... unterbrochen“: Log. I. 212. ¹⁴ „Flüssigkeit“: Ср.: Phän. 4. 193. 357. ¹⁵ Ср.: Phän. 210. 246. ¹⁶ „Harmonie“: Phän. 49. Recht. 11. Beweise. 458. ¹⁷ „Selbstgenuss“: W. Beh. 380. ¹⁸ „Jeder Pulsschlag ist durch alle Pulsadern“: Beweise. 446. ¹⁹ Ср.: „die Einheit des sichselbstgleichen Sichaufsichbezielens“: Phän. 219—220; ср.: Log. I. 212. ²⁰ Diff. 242. Log. III. 251. ²¹ W. Beh. 380. ²² Phän. 505. ²³ Ср.: W. Beh. 420. ²⁴ Ср.: Diff. 263; а также: Glaub. 87. Diff. 197. 296. Log. II. 166. Log. III. 117. Enc. I. 324. ²⁵ Ср.: W. Beh. 393; а также: W. Beh. 356—357. 357. Log. I. 400. ²⁶ Ср., Log. I. 109. ²⁷ См. главу четвертую.

сущее творит в своей жизни *ее* закон и обнаруживает подчиненность *ее* ритму.

А это означает, что *все сущее должно быть причастно диалектическому разложению и спекулятивному синтезу*. По Гегелю, это так и есть на самом деле.

Вот почему он говорит: „Истинное конкретно“,¹ или, иначе, „все истинное конкретно“.² „В каждом содержании, так как оно конкретно, определение может быть понято как определенная противоположность и тем самым как противоречие“.³ Но вершина и достижение не в противоречии: „содержание спекулятивной идеи состоит в примирении“⁴ и сущность философского знания — в постижении единства.⁵ Ибо все „разумное“⁶ и „все духовное“⁷ конкретно, как и само „абсолютное Понятие“.⁸

Но „конкретное“ возникает всегда через слияние понятий. Поэтому „все вещи“, по своей разумной природе, „суть умозаключение“;⁹ или, что то же, „все разумное есть слияние“.¹⁰ Такое конкретное соединение составляет творческую „душу предмета“,¹¹ или, если угодно, его основу. Поэтому „слияние есть существенная основа всего истинного“,¹² и философия, познавая истинное, должна всегда иметь в виду, что „силлогизм есть принцип идеализма“.¹³

Конкретное слияние, восполняя одно определение другим, создает всегда единое целое или тотальность. Поэтому можно сказать, что „истинное есть целое“;¹⁴ или, что то же, „абсолютная истина“ имеет вид „тотальности“.¹⁵ Реальное может обстоять только в этой форме, ибо разум, в своей „таинственной деятельности, возводит“ к ней¹⁶ все сущее. „Реальность есть потому реальность, что она есть тотальность и сама есть система потенций“.¹⁷

Это целостное единство смысловых определений ведет всегда целесообразную, органическую жизнь „бесконечного“, кругового самоопределения. Вот почему Гегель отождествляет *Понятие с целью*¹⁸ и логическую необходимость с органической.¹⁹ „Истинное единство“ есть „органическое единство“;²⁰ и этот синтез есть закон всяческого бытия: вот почему „каждая пылинка есть организация“.²¹

¹ Enc. I. 67. ² Recht. 43. ³ Enc. I. 285; ср.: Enc. I. 69. Ohl. 235.
⁴ „Versöhnung“: Enc. I. XVIII. Log. I. 398; „Idee des Coincidirens“: Ham. 87.
⁵ Ср.: Diff. 177. 180. 253. Log. I. 44. 167. ⁶ Ср.: Recht. 89; Enc. I. 404.
⁷ Ср.: Beweise. 296. Ph. G. 71. Log. I. 33. 64. ⁸ Ср.: Log. III. 41. Beweise. 352.
⁹ „alle Dinge sind der Schluss“: Log. III. 126. ¹⁰ „alles Vernünftige ist ein Schluss“: Log. III. 119. Enc. I. 344. ¹¹ „Seele der Sache“: Log. III. 117.
¹² Enc. I. 345. ¹³ „Syllogismus est principium Idealismi“: Ros. 157.
¹⁴ Phän. 16. ¹⁵ Ср.: Glaub. 123. ¹⁶ Diff. 179. ¹⁷ W. Beh. 402.
¹⁸ Ср.: Phän. 34. 193. 199. Log. II. 77. Log. III. 210. 216. 218. 218. 227. Enc. I. 118. ¹⁹ Ср.: Phän. 45. ²⁰ Glaub. 45. ²¹ Diff. 253.

Эта органическая природа мысли присутствует во всем и заставляет признать, что все „истинное и действительное есть именно... кружащее в себе движение“.¹ Движение мысли исходит из нее самой и из себя создает конкретность определений. Вот почему „бесконечность“ составляет „истинный характер мышления“² и образует „последний источник всякой деятельности, жизни и сознания“.³ Бесконечность есть „свет мысли“, сама всеобщность и свобода;⁴ это — само „абсолютное Понятие“,⁵ поддерживающее себя⁶ и слагающее „из самого себя“ свою форму.⁷ В этом и состоит его „вечность“:⁸ его бытие есть „абсолютное присутствие“,⁹ самодеятельная и потому „бессмертная“,¹⁰ „рефлектированная в себя длительность“;¹¹ оно всегда „конкретно в себе“¹² и творчески возводит себя к *абсолютной* конкретности.

Абсолютная конкретность осуществляется на последней и высшей ступени спекулятивного процесса: она разворачивается в виде „величайшей протяженности“, т. е. богатейшего содержания¹³ и в то же время в виде „высочайшей интенсивности“.¹⁴ Все множество накопившихся спекулятивных определений предстает в ней с „одинаковой устойчивостью“¹⁵ и в одинаковой необходимости. Все существенные противоположности оказываются исчерпанными и доведенными посредством ассимиляции до непосредственной простоты¹⁶ и ясного покоя.¹⁷ Конкретное, на своей последней ступени, есть некая „простейшая глубина“¹⁸ мысли, творящей себя через самосозерцание. Это сам „реальный разум“¹⁹ или интуитивный интеллект,²⁰ достигший, в самоопределении, высшего смыслового богатства и высшего завершеного единства.

И вот, эта объективная мысль как творческая *субъективность*;²¹ эта „безусловная конкретность“,²² завершенная и самостоятельная;²³ эта „вполне конкретная истина“,²⁴ во всей своей величайшей власти и мощи;²⁵ этот создавший сам себя *абсолютный организм смысла* являет собою природу самого Божества.

¹ Phän. 577. ² Glaub. 70. ³ Recht. 43. ⁴ Log. I. 148.
⁵ W. Beh. 343. ⁶ Enc. I. 188. ⁷ Log. II. 82. ⁸ Log. II. 82. ⁹ Enc. II. 55.
¹⁰ Beweise. 427. ¹¹ „in sich reflektirte Dauer“: Enc. II. 55. ¹² Enc. II. 56.
¹³ Ср.: Log. III. 349. 352. Enc. I. 21. ¹⁴ Ср.: Log. III. 349. 352.
¹⁵ Log. II. 101. ¹⁶ „einfach“: Phän. 17. 17. 18. 45. 209. 225. 568. 574. Log. I. 70. 212. Log. III. 349. Enc. II. 685. Enc. III. 326. ¹⁷ Phän. 37. Log. I. 109—110. Enc. I. 324. ¹⁸ Log. III. 349. ¹⁹ Glaub. 44. Enc. II. 36.
²⁰ Ср.: Enc. I. 117; см главу третью. ²¹ Ср.: Log. III. 349. Enc. I. 324.
²² Enc. I. 324. ²³ Enc. I. 361. ²⁴ Beweise. 366. ²⁵ „das Mächtigste und Uebergreifendste“: Log. III. 349.